

ЛЕОН МОНТАН

ХОЗЯЙКА ЛАВКИ ЗАПРЕТНЫХ СЛАДОСТЕЙ

Леон Монтан

**Хозяйка лавки
запретных сладостей**

«Литнет»

2026

Монтан Л.

Хозяйка лавки запретных сладостей / Л. Монтан — «Литнет», 2026

Наследство от тётушки, которую семья считала позором рода, досталось Мирабель неожиданно. Ещё более неожиданным оказался сам подарок: крошечная кондитерская «Сладкий Грех» в самом сердце магического квартала — с печью, горящей без огня, книгой рецептов в кожаной обложке и запиской, полной странных предостережений. Мира собиралась просто привести лавку в порядок и честно торговать булочками. Однако, у судьбы были другие планы — в лице Кастора Валентайна, главы городской стражи, явившегося закрыть «заведение с аморальной магической продукцией». Один-единственный надкушенный эклер с розовым кремом — и вот уже принципиальный капитан зависит от Миров больше, чем от собственного расследования. В книге рецептов чёрным по белому сказано: эффект снимается только интимным контактом с кондитером, и лишь на трое суток... Казалось бы, хуже некуда: безудержное возбуждение у него, горящие огнём от смущения щёки у неё, и двести страниц рецептов, о которых лучше не знать советнику короля. Но где-то в этих страницах спрятан Великий Рецепт — тот, ради которого за Мирой уже охотится Человек-в-Сером. Пока капитан Кастор пытается одновременно спасти её, закрыть лавку и не сойти с ума от запаха ванили, Мира понимает: единственный способ пережить эту историю — испечь её до конца. Продолжение приключений Мирабель и капитана Кастора, роман «Сладости Селины» —

© Монтан Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство с душком	6
Глава 2. Десерт с сюрпризом	12
Глава 3. Ручная работа	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1. Наследство с душиком

Сентябрьский дождь в Эшверне не лил — он висел в воздухе липкой, холодной взвесью, которая пропитывала шерсть дорожного плаща Мирабель быстрее, чем полноценный ливень.

Воздух Магического квартала давил на грудь, сплетая в себе целую бурю противоречивых запахов. Тяжёлый, густой чад каменного угля из каминов тонул в запахе мокрого навоза, к которому примешивался резкий аромат дегтярного мыла, доносившийся из цирюлен. А поверх этой грубой смеси витал едва уловимый, но пронзительный металлический привкус перегоревшего колдовства — он оседал на языке едкой кислинкой, будто напоминание о том, что магия здесь не столько дар, сколько изнуряющий труд.

Мирабель остановилась у деревянного столба с треснувшим керосиновым фонарем. Её левая туфля — дешёвая, из грубой телячьей кожи, купленная на постоялом дворе тремя днями ранее — окончательно промокла. Она пошевелила пальцами, чувствуя, как холодная жижа хлопает между ними. В руке она сжимала латунный ключ. Тяжёлый, с зазубринами, он казался неестественно тёплым в её заочневших пальцах, перепачканных графитом после долгой дороги в почтовой карете.

Тётушка Марселина умерла так же, как и жила — никого не спросив и оставив после себя ворох слухов. В приличном семействе Аларкон имя Марселины произносилось исключительно шёпотом, обычно после долгого вздоха матушки о «греховной склонности к постыдным ремёслам». Мира никогда не видела свою родственницу. Всё, что у неё было — это сухая нотариальная бумага и этот латунный ключ, обещавший ей крышу над головой вдали от удушья семейных обедов и бесконечных разговоров о приличном замужестве.

Кондитерская «Сладкий Грех» обнаружилась в самом тупике переуллка, зажатая между лавкой сомнительных амулетов и закопчённым фасадом алхимической лаборатории. Вывеска над дверью покачивалась на одной петле, издавая унылый, ржавый скрип. Краска на ней давно облупилась, но сквозь слой серой копоти всё ещё можно было разглядеть пухлого купидона, улетающего нечто, подозрительно похожее на персик.

Мирабель вставила ключ в замочную скважину. Замок поддался на удивление мягко, словно его только что смазали гусиным жиром.

Внутри лавки пахло мёртвым временем. Это был сухой, пыльный запах старой ванили, засохшей лаванды, мышиного помёта и старого воска, которым когда-то натирали дубовые полы. Темнота стояла плотная, почти осязаемая. Девушка нащупала на прилавке огарок свечи, чиркнула фосфорной спичкой. Крошечный язычок пламени выхватил из темноты длинный стеклянный прилавок. За ним на полках выстроились ровные ряды стеклянных банок. Внутри них, покрытые слоем серой пыли, покоились засахаренные фиалки, сморщенные стручки ванили и заплесневелые кружочки сушёных апельсинов.

В углу подсобного помещения возвышалась огромная печь. Она была выложена тёмно-синей плиткой с изображениями танцующих фавнов и нимф. Мирабель невольно подошла ближе и протянула ладонь. Печь была холодной на вид, но когда пальцы коснулись её, девушка отпрянула — от кирпичей исходило ровное, глубокое, почти животное тепло. Будто внутри неё спал какой-то зверь, согревающий кухню своим дыханием. Ни угля, ни золы в топке не было.

На деревянном разделочном столе, прямо посреди засыпанной мукой столешницы, лежала огромная книга. Её переплёт был обтянут странной кожей — тёмно-коричневой, матовой, без единой поры, невероятно гладкой и тёплой на ощупь, словно книга всё ещё сохраняла температуру чьего-то тела. Рядом с ней лежал аккуратно сложенный листок плотной бумаги, придавленный латунной ступкой.

Мирабель развернула записку. Почерк был размашистым, неровным, с острыми хвостами у букв «д» и «р»:

*«Девочка моя, если ты читаешь это, значит, меня уже прикопали на городском пого-
сте, а моя лавка досталась тебе. Не криви нос — это лучше, чем тухнуть в провинциаль-
ном поместье твоих святош-родителей. Сладости здесь — не просто сладости, Мира. Они
— сила. Они — свобода. Не давай никому закрыть эту дверь, что бы тебе ни плели чиниши
из ратуши. И заклинаю тебя всеми богами: ни в коем случае не корми городскую стражу
эклерами с розовым кремом. Серьёзно. Особенно их нового главу. Кастор Валентайн, конечно,
породистый кобель и чертовски хорош собой в своём обтягивающем мундире, но... просто не
надо. Поверь моему опыту, отмывать подсобку от последствий его визита — сомнительное
удовольствие. Книга рецептов подскажет, что делать. Обживайся. Твоя тётя Марселина».*

Мирабель медленно опустила листок. На её щеках проступил лёгкий румянец, сменив-
шийся скептической усмешкой.

— Сумасшедшая старуха, — негромко произнесла она, её голос прозвучал глухо в пустом
помещении. — Розовый крем... Кастор Валентайн... Что за чушь? Наверняка обычный старче-
ский маразм на почве избытка дешёвого портвейна и коричневого порошка.

Она провела пальцем по обложке книги. Кожа под её ладонью словно слегка натянулась,
отвечая на прикосновение. Мирабель передёрнула плечами от этого ощущения и решила, что
просто слишком устала с дороги. Ей нужно было привести это место в порядок. Она не соби-
ралась возвращаться к родителям.

Дверной колокольчик над входом сухо звякнул, заставив Миру вздрогнуть.

В лавку вошла женщина. С первого взгляда становилось понятно, что она принадлежит
к этому кварталу так же естественно, как мостовая и запах гари.

Это была дама весьма примечательной наружности. Ростом чуть выше ста шестидесяти
пяти сантиметров, она обладала телом невероятно пышным и сочным. Её тяжёлая, низко поса-
женная грудь буквально вываливалась из глубокого выреза тёмно-фиолетового бархатного кор-
сажа, стянутого так туго, что широкие бёдра и округлый живот под тонкими шерстяными
юбками казались ещё объёмнее.

Пышные, медно-рыжие волосы, грубые и непослушные по текстуре, были наспех зако-
лоты дешёвыми латунными шпильками, но несколько тяжёлых локонов всё равно падали на её
полные плечи. Лицо женщины имело мягкую форму сердечка, с тяжёлыми веками над карими
глазами и маленькой чёрной мушкой прямо над верхней губой слева. От неё волной шёл густой,
удушливый аромат сушёных роз и дешёвого джина.

— Ох, пресвятые девы, так это правда! — воскликнула гостья, её голос был глубоким, с
хрипотцой, типичной для любительниц долгих разговоров у камина. Она бесцеремонно подо-
шла к прилавку, покачивая тяжёлыми бёдрами, которые шуршали нижними юбками при каж-
дом движении. — Марселина всё-таки оставила лавку своей племяннице. Я Зельда, деточка.
Держу лавку амулетов по соседству. Прямо через стену от твоей печи, — закончила Зельда,
тяжело опираясь пухлыми локтями о пыльный стеклянный прилавок. Дерево под её весом
жалобно скрипнуло. Она подалась вперёд, и запах джина ударил Мирабель прямо в ноздри,
почти физически выбивая воздух из лёгких.

Зельда окинула девушку цепким, оценивающим взглядом. Её карие глаза с нависшими
веками прищурились, задержавшись на промокшем плаще и бледном лице Миры.

— Ты совсем не похожа на Марселину, — констатировала женщина, цокнув языком. —
Та была острая, как битое стекло, и сухая, как прошлогодняя гвоздика. А ты... мягкая. Как
свежее тесто.

«Съедят её здесь, как пирожок с требухой, глазом моргнуть не успеет», — пронеслось в голове мадам Зельды, пока она машинально поправляла сползающий с пышной груди корсаж.

— Я Мирабель, — сухо ответила девушка, отступая на шаг и незаметно вытирая испачканные сажей руки о внутреннюю сторону плаща. — И я просто собираюсь привести это место в порядок. Тётя оставила мне лавку, и я намерена печь здесь обычный хлеб и пирожные. Без всяких... странностей.

Зельда запрокинула голову и расхохоталась. Смех у неё был густой, рокошущий, от него её внушительный бюст заколыхался, грозя разорвать шнуровку.

— Обычные пирожные?! На Улице Тёмных Котлов?! Ох, милая, да местные крысы засмеют тебя до смерти...

Её слова заглушил оглушительный грохот, донёсшийся из-за правой стены. Пол под ногами Мирабель ощутимо содрогнулся, с потолка прямо на стеклянные витрины посыпалась серая штукатурка. Полки с банками тревожно задребезжали.

Не прошло и десяти секунд, как входная дверь распахнулась настежь, ударившись о медный колокольчик с такой силой, что тот жалобно звякнул и отвалился, покотившись по грязным доскам. В лавку ввалились двое.

Это были юноши лет двадцати, абсолютно идентичные внешне и одинаково грязные. Их тела казались нескладными, словно собранными из острых углов: узкие, покатые плечи, впалые грудные клетки под расстёгнутыми рубашками, длинные руки с выпирающими костяшками запястий. На обоих висели тяжёлые кожаные фартуки, некогда коричневые, но теперь сплошь покрытые белёсыми пятнами от пролитых кислот и подпалинами.

Волосы близнецов, грязновато-русого оттенка, стояли дыбом, а кончики прядей были явственно оплавлены и хрустели, как сухая солома. Лица — узкие, с вытянутыми носами и тонкими губами — густо покрывал слой чёрной копоти. Но самой примечательной чертой было полное отсутствие бровей. На их месте красовались лишь две красные, раздражённые полоски кожи.

От них невыносимо несло серой, жжёным волосом и какой-то едкой химической кислотой, от которой у Мирабель мгновенно заслезились глаза.

— Это не я! — с порога выкрикнул тот, что стоял слева, отряхивая рукав, на котором всё ещё тлела крошечная искра. — Это Финн перепутал порошок сушёной мандрагоры с толчёным рогом огненной саламандры!

— Заткнись, Финнеган! — огрызнулся второй, пихая брата острым локтем в рёбра. На его правой руке, прямо над суставами, виднелись свежие химические ожоги, смазанные какой-то зелёной мазью. — Я всё отмерял по унциям! Это тигель был бракованный!

Они одновременно уставились на Мирабель, моргая покрасневшими от дыма глазами.

— О, — выдал Финн, почесав обгорелую макушку. — Ты новенькая. Племянница Марселины?

«Интересно, она знает, где старуха прятала кристаллизованный сахар из слёз гарпии? Нам бы он сейчас очень пригодился для стабилизации», — подумал Финнеган, непроизвольно облизнув сухие губы.

— Я Мирабель, — снова представилась девушка, чувствуя, как у неё начинает болеть голова. Она скрестила руки на груди, пытаясь унять мелкую дрожь. — И если вы взорвёте моё здание, я... я пожалуй в городскую стражу!

Зельда снова хрипло рассмеялась, а близнецы переглянулись с искренним недоумением на измазанных сажей лицах.

— Стражу? Сюда? — хмыкнул Финн. — Девочка, стража заходит в этот тупик только для того, чтобы собрать штрафы, или если кто-то кого-то расчленил. И то, во втором случае они ждут до утра, пока запах не выветрится.

— Валентайн на прошлой неделе обещал посадить нас в долговую яму, если мы ещё раз выйдем окна в ратуше, — радостно добавил Финнеган, словно хвастаясь. — Но мы же не виноваты, что ветер подул в сторону центральной площади!

Внезапно близнецы замолкли, словно подавившись собственными словами. Зельда тоже напряглась, её рука инстинктивно скользнула к амулету на шее. Мирабель проследила за их взглядами и обернулась к открытой двери.

Там, прямо на пороге, не переступая невидимую черту, стоял мужчина.

Мира не слышала, как он подошёл. Дождь на улице усилился, но на его плотном, тёмно-сером плаще из промасленной шерсти не было ни капли воды — влага словно скатывалась с ткани, не впитываясь. Мужчина был высок, с невероятно прямой, жёсткой осанкой. Из-под глубокого капюшона виднелась лишь нижняя часть лица: острые, точёные скулы, гладкая кожа с едва заметным золотистым подтоном и тонкие, плотно сжатые губы. Волосы, чёрные, как вороново крыло, и идеально прямые, были туго стянуты на затылке.

Вместе с ним в лавку вполз запах. Не химическая вонь близнецов и не тяжёлые духи Зельды. От незнакомца пахло озоном — тем самым острым, холодным ароматом, который висит в воздухе за секунду до удара молнии, смешанным с тонкой, горьковатой нотой сушёного лотоса и мокрого железа.

Он не произнёс ни слова. Просто стоял и смотрел на Мирабель из-под капюшона. Девушка почувствовала, как по позвоночнику скользнул ледяной холодок. Его взгляд был тяжёлым, изучающим, словно он взвешивал её душу и находил её... недостаточной.

— Господин Иширо, — нервно сглотнув, пролепетала Зельда, пятясь от прилавка. Её пышная грудь часто вздымалась. — Мы... мы как раз знакомились с новой соседкой.

Шамариец — или выходец с восточных островов, Мира не могла определить точно — медленно склонил голову. Это было даже не приветствие, а констатация факта её существования.

«Кровь старой ведьмы в ней говорит, но разум спит. Она не готова к тому, что грядёт», — холодно отметил про себя Иширо, не меняя выражения лица.

Из складок своего плаща он достал небольшую коробочку из тёмного лакированного дерева, перевязанную шёлковым шнурком, и молча положил её на ближайший столик у входа. Затем он развернулся на каблуках своих мягких кожаных сапог и бесшумно растворился в серой пелене дождя.

Мирабель несколько секунд смотрела на пустой дверной проём, слушая, как шумит вода в водостоках.

— Кто... это был? — тихо спросила она.

— Иширо, — шёпотом ответил Финн, нервно озираясь. — Поставщик редких ингредиентов. Появляется только в дождь. Никто не знает, где он живёт и как проносит товар через городские заставы.

— Лучше не спрашивать, сколько стоят его товары, — добавил Финнеган, потирая обожжённую руку. — Твоя тётя часто с ним торговала.

Мира подошла к столику и посмотрела на коробочку. Дерево было абсолютно сухим. Рядом с коробочкой не было ни записки, ни чека.

— Ладно, детвора, — Зельда хлопнула в ладоши, разрушая повисшее напряжение. — Дадим девочке осмотреться. Завтра тяжёлый день. Если надумаешь бежать обратно к мамочке, Мирабель, просто оставь ключи под ковриком. Я присмотрю за печью.

Близнецы, переругиваясь вполголоса, потянулись к выходу, оставляя на полу грязные следы. Зельда вышла последней, плотно притворив за собой дверь.

Мирабель осталась одна. Тишина снова навалилась на неё, густая, пахнущая пылью и ванилью. Девушка медленно выдохнула, стянула с себя промокший плащ и бросила его на стул.

— Бежать к мамочке, — пробормотала она, закатывая рукава серого шерстяного платья. Ткань на локтях была протёрта до блеска. — Ну уж нет, я Аларкон. Мы не сдаёмся так легко.

Она подошла к прилавку, отодвинула в сторону жутковатую книгу в кожаном переплёте с её глупыми рецептами и достала из-под стола старую тряпку и ведро. В углу обнаружилась колонка с водой. Накачав ледяной воды, от которой сводило пальцы, Мирабель опустилась на колени и принялась тереть пол.

Она будет печь хлеб. Простой, честный, пахнущий дрожжами и солью. Она отмоет витрины до скрипа. Она выставит на них аккуратные ряды булочек с корицей — обычной корицей, купленной на центральном рынке, а не у жуткого господина Иширо. Она докажет им всем, что «Сладкий Грех» может быть приличным заведением.

Даже если тётушка Марселина сейчас переворачивается в своей свежей могиле.

Часы на городской ратуше вдалеке гулко пробили полночь, когда Мирабель, уставшая до ломоты в костях, с руками, пахнущими щелочным мылом и сыростью, наконец забралась по узкой скрипучей лестнице на второй этаж. Там располагалась крошечная комнатка: узкая кровать, продавленное кресло и запах лаванды, въевшийся в обои. Девушка упала на матрас прямо в платье, едва успев скинуть туфли, и мгновенно провалилась в сон без сновидений.

Глава 2. Десерт с сюрпризом

К утру дождь прекратился, но небо над улицей Тёмных Котлов оставалось затянутым низкими, желтовато-серыми тучами, похожими на старую вату, которую кто-то забыл выбросить. Воздух пах мокрым булыжником, прелой листвой из сточных канав и слабым, едва уловимым дымком из трубы булочной напротив — запах подгоревшей ржаной корки, кисловатый и уютный одновременно.

Мирабель поднялась затемно. Её тело ныло после сна на продавленном матрасе, в который она проваливалась, как в тесто, а левое плечо затекло от неудобной позы, в которой она проспала всю ночь, не раздеваясь. Умывшись ледяной водой из колонки, от которой зубы сводило до ломоты, она собрала волосы в высокий пучок, перевязав его выпцветшей голубой лентой, и спустилась в кухню.

Печь встретила её ровным, ласковым теплом. Мирабель на мгновение замерла, приложив ладонь к синему изразцу. Кирпич был тёплым, но не обжигающим — словно печь точно знала, какая температура нужна для выпечки. Девушка отогнала эту мысль, списав всё на хорошую кладку и остаточное тепло.

Она открыла книгу рецептов. Кожаная обложка всё так же неприятно пружинила под пальцами, но Мирабель решительно пролистала первые страницы, исписанные корявым почерком тётушки. Ей нужен был простой, понятный рецепт. Никаких «экстазов» и «гроз». Просто хлеб. Просто булочки.

На девятой странице она нашла то, что искала. Рецепт был озаглавлен «Булочки Храбрости (слабая доза, для начинающих)» и содержал муку, сливочное масло, корицу, сахар и одно загадочное «шепоток над поднявшимся тестом». Мирабель фыркнула, прочитав последний пункт, и решила его проигнорировать. Она отмерила муку на глаз, растёрла масло с сахаром до побеления, добавила корицу — обычную, купленную ещё в дорожной лавке, пахнущую терпко и сладко — и замесила тесто. Оно вышло на удивление послушным, бархатистым на ощупь, и под её ладонями сформировалось в двенадцать ровных, круглых булочек.

Пока они пеклись, запах в лавке изменился. Сырость и пыль отступили, уступая место густому, тёплому аромату корицы, топлёного масла и карамелизирующегося сахара — запаху, от которого во рту собиралась слюна, а в груди разливалось что-то, похожее на спокойную уверенность. Мирабель сама не заметила, как начала улыбаться.

Она протёрла витрину влажной тряпкой, выставила на неё булочки — золотистые, с хрустящей корочкой и мягкой, слоистой серединкой — и перевернула табличку на двери: «ОТКРЫТО».

В глубине кухни, под влажной салфеткой, остался стоять поднос с дюжиной эклеров. Мирабель нашла их вчера, когда разбирала кладовую, — аккуратные, покрытые глянцевой шоколадной глазурью, с соблазнительными завитками розового крема, выглядывающими из разрезов.

Они пахли ванилью и чем-то ещё — чем-то тёплым, пряным, от чего внизу живота возникало странное томление. Девушка решила, что выбросит их позже. Или, может быть, съест один сама, когда никто не видит, просто чтобы понять, что такого особенного в этих проклятых пирожных. Но не сейчас. Сейчас у неё был первый рабочий день.

Первой в лавку заглянула мадам Зельда. Она вплыла в дверь, колыхая бёдрами и нижними юбками, и на её полном лице читалось выражение крайнего неодобрения, смешанного с любопытством.

— Ты всё-таки открылась, — констатировала она, беря с витрины булочку и надкусывая без спроса. Крошки посыпались на её корсаж, и она смахнула их небрежным движением. — М-

м-м... неплохо, но скучно. Марселина добавляла в тесто каплю настойки из корня мандрагоры. Это... как его... придавало пикантности.

— Я не добавляю в тесто никаких настоек, — сухо ответила Мирабель, протирая прилавок. — И не собираюсь.

— Ну-ну. — Зельда доела булочку, облизала пальцы и окинула Миру оценивающим взглядом. — Ты сегодня какая-то другая. Увереннее что-ли...

«Девчонка и не подозревает, что даже её "безопасные" булочки уже начали работать. Я чувствую, как от неё фонит магией. Марселина бы гордилась», — подумала Зельда, но вслух лишь добавила:

— Ладно, удачи, деточка. Она тебе пригодится.

И вышла, оставив за собой шлейф недосказанности.

Следующими, разумеется, ввалились близнецы. Финн и Финнеган выглядели ещё более помятыми, чем вчера — у Финна на лбу красовался свежий волдырь, а у Финнегана была перевязана левая рука, — но их глаза горели энтузиазмом. Они купили по булочке, честно заплатив медяками, и принялись жевать, обсуждая предстоящий эксперимент с дистилляцией эссенции болотных огней.

— Ты только представь, — говорил Финн с набитым ртом, размахивая недоеденной булочкой, — если мы смешаем её с экстрактом лунного мха, то получим стабильный источник холодного света!

— А если что-то пойдёт не так, мы получим стабильный источник горячего пожара, — мрачно заметила Мирабель, собирая с прилавка крошки.

— О, так ты уже разбираешься в алхимии! — обрадовался Финнеган. — Твоя тётя говорила точь-в-точь как ты, перед тем как выгнать нас из лавки.

Близнецы ушли, оставив после себя запах серы и крошки корицы на полу. Мирабель вздохнула, потянулась за тряпкой, и в этот самый момент дверной колокольчик звякнул в третий раз.

Она подняла голову.

И забыла, как дышать.

В дверях стоял мужчина. Он был в чёрном мундире городской стражи — плотная шерстяная ткань, обшитая серебряным кантом, высокий воротник, подчёркивающий линию челюсти, — и этот мундир сидел на нём так, будто был сшит не портным, а скульптором, который лепил ткань прямо по телу. Плечи мужчины были широкими и прямыми, грудь — мощной, но не громоздкой, а талия — неожиданно узкой, перехваченной широким кожаным ремнём с латунной пряжкой. Его бёдра были узкими, а ноги — длинными, обтянутыми тёмными форменными брюками, заправленными в высокие сапоги из чёрной кожи, натёртой до зеркального блеска.

Но лицо... Лицо было самым мужественным из всего, что Мирабель когда-либо видела. Оно словно было вырезано из твёрдого, обветренного мрамора: острые скулы, от которых тени ложились глубокими провалами под костью, квадратная, волевая челюсть, покрытая тёмной щетиной — такой густой, что она казалась скорее короткой бородой, чем небрежностью, и рот — твёрдая, прямая линия губ, которые, казалось, забыли, как улыбаться. Его нос был прямым, с горбинкой — возможно, сломанным в юности и неправильно сросшимся. Но сильнее всего поражали глаза. Они были цвета штормового неба над морем — тёмно-серые, с голубоватым отливом по краю радужки, — и смотрели на Миру с таким холодным, оценивающим презрением, что у неё перехватило дыхание.

Через левую бровь мужчины тянулся шрам — тонкий, белый, рассекающий волоски, из-за чего бровь казалась разделённой надвое. Его волосы, чёрные, как вороново крыло, с редкими серебряными нитями на висках — были зачёсаны назад и открывали высокий лоб. От него пахло кожей чем-то холодным, металлическим, как оружейная сталь.

За его спиной маячили двое стражников — крепкие, краснолицые парни с дубинками на поясах. Но Мирабель их почти не видела. Она видела только его.

— Вы — новая владелица? — Голос мужчины был низким, глубоким, с лёгкой хрипотцой, как будто он недавно кричал приказы на плацу. Он не спрашивал — он утверждал. — Я капитан Кастор Валентайн, глава городской стражи. У меня предписание закрыть это заведение. Производство аморальной магической продукции, нарушение эдикта о контролируемых веществах, уклонение от уплаты магического налога в течение трёх лет, и...

Он сделал шаг вперёд, и его сапоги гулко стукнули по деревянному полу. Мирабель непроизвольно отступила за прилавок, но её спина упёрлась в полку с банками.

— Подождите! — выдохнула она, выставя перед собой ладони, перепачканные мукой. — Я ничего не производила! Я только вчера приехала! Это всё моя тётя, она умерла, я просто...

— Мне нет дела до ваших семейных обстоятельств, — перебил её Кастор Валентайн. Его челюсть сжалась так, что желваки проступили сквозь щетину, а глаза сузились. — Эта лавка была рассадником магического разврата при Марселине Аларкон, и я не позволю её преемнице продолжать это дело. Вы закроетесь сегодня же.

— Я не собираюсь продолжать! — Мирабель почти кричала, её голос срывался от возмущения и страха. — Я хочу печь обычный хлеб! Посмотрите на витрину — там просто булочки с корицей! Никакой магии, никаких...

Капитан даже не взглянул на витрину. Он обошёл прилавок, и его широкое плечо задело полку с банками. Одна из них — та, что стояла ближе всего к краю, — покачнулась и рухнула на пол. Стекло разбилось с оглушительным звоном, и засахаренные вишни — глянцевые, тёмно-красные, похожие на драгоценные камни — рассыпались по доскам, разлетаясь во все стороны.

— Чёрт! — Мирабель упала на колени, хватая вишни с пола. Её пальцы дрожали, стеклянные осколки царапали ладони. — Вы хоть представляете, сколько они стоят?!

Кастор Валентайн не ответил. Он стоял над ней, возвышаясь как скала, и его взгляд скользил по кухне. Он заметил влажную салфетку, подошёл и откинул ткань. Под ней оказались эклеры — двенадцать штук, с глянцевой шоколадной глазурью и розовым кремом, источающие тот самый пряный, тёплый аромат.

— А это что? — Его голос стал тише, но от этого только опаснее. — Вещественное доказательство.

Он взял один эклер. Поднёс к лицу, принялся. Мирабель, всё ещё стоя на коленях среди рассыпанных вишен, подняла голову и увидела, как его ноздри раздуваются, втягивая запах. Что-то промелькнуло в его глазах — какое-то смутное, инстинктивное беспокойство.

— Не ешьте это, — сказала она. Её голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Пожалуйста. Моя тётя написала... она предупреждала...

— Ваша тётя была преступницей, — отрезал Кастор. — И её предупреждения для меня ничего не значат.

Он надкусил эклер.

Мирабель замерла. Время словно растянулось, как патока. Она видела, как его челюсти сжались, размалывая тесто и крем. Видела, как кадык на его шее дёрнулся вверх-вниз, когда он проглотил. Видела, как крошка шоколадной глазури осталась в уголке его губ.

А потом она увидела, как изменились его глаза.

Зрачки Кастора Валентайна расширились — не медленно, а мгновенно, как будто кто-то задул свечу. Серые радужки сузились до тонких ободков вокруг чёрных провалов. На висках, прямо под серебристыми нитями волос, выступила испарина — мелкие, блестящие капли, которые тут же начали скатываться вниз, к шее.

Он посмотрел на Мирабель, и в этом взгляде больше не было презрения. В нём был голод. Чистый, животный, неконтролируемый голод, от которого у неё самой, внизу живота что-то сжалось в тугой, горячий узел.

— Что... — Его голос сорвался, стал хриплым, низким, почти рычанием. Он сделал шаг к ней, и Мирабель увидела, как его пальцы сжались в кулаки — так сильно, что костяшки побелели. — Что вы туда положили?

Мирабель вскочила на ноги, метнулась к столу, схватила книгу рецептов. Её руки дрожали так сильно, что она едва могла перелистывать страницы. Где? Где-то здесь... Тётушка упоминала эклеры... Ага, вот.

Она нашла нужную страницу. Пробежала глазами по строчкам и почувствовала, как кровь отливает от её лица.

— Что там? — Кастор стоял прямо за её плечом. Она чувствовала жар его тела — он был неестественно горячим, как будто его лихорадило. Она чувствовала его запах — кожу, сандал и что-то новое, мускусное, животное, пробивающееся сквозь привычный аромат.

Он выхватил книгу у неё из рук и прочитал вслух:

— «Эклер "Гроза Штанов" — сильнейший афродизиак. Эффект: неконтролируемое возбуждение, длящееся до нейтрализации. Нейтрализация: ТОЛЬКО через интимный контакт с кондитером, внутри заведения. ВНИМАНИЕ: без нейтрализации возможна остановка сердца через 72 часа. Приятного аппетита, красавчик!» — Его голос на последней фразе дрогнул. — Что, вашу мать, это значит?!

— Я не знаю! — Мирабель отступила, выставив руки перед собой. — Я не пекла эти эклеры! Это тётя! Они лежали в кладовой! Я не...

— Вы... — Его дыхание стало тяжёлым, прерывистым. Он упёрся ладонями в прилавок, и Мирабель увидела, как по его предплечьям, обтянутым тканью мундира, прокатываются волны напряжения. — ...нарочно...

— Я даже не знала, что там внутри! — выкрикнула Мирабель. — Я хотела их выбросить!

Кастор поднял на неё глаза. И в них больше не было ни холода, ни презрения. В них плескалась паника — и что-то гораздо более тёмное, более первобытное, что заставляло его дышать ртом и сжимать бёдра.

— Капитан? — раздался голос одного из стражников от двери. — У вас всё в порядке? Мы можем начинать опись?

Кастор Валентайн выпрямился. Это движение стоило ему невероятного усилия — Мирабель видела, как напряглась каждая мышца на его шее и плечах.

— Ждите снаружи, оба. Я... проведу дополнительный допрос владелицы.

— Но, капитан...

— Я сказал — снаружи!

Стражники переглянулись и вышли, тихо притворив за собой дверь. Колокольчик над входом жалобно звякнул и затих.

Мирабель и Кастор остались вдвоём. Тишина в лавке была такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом. Печь в углу кухни тихонько гудела, источая ровное, пульсирующее тепло. Запах корицы смешивался с запахом сандала и мускуса.

Кастор медленно повернулся к ней. Его взгляд скользнул по её лицу, по шее, по груди, обтянутой серым шерстяным платьем, и Мирабель почувствовала, как этот взгляд жжёт её кожу, словно прикосновение.

— Снимите это... — сказал он. Его голос был низким, хриплым, почти незнакомым. — Пожалуйста.

Он добавил «пожалуйста». И это было страшнее любого приказа.

Глава 3. Ручная работа

Мирабель смотрела на него — на этого огромного, мра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.